

ЧЕМАН

№2 2019

Григор Азиса Кочарян — Музыкант (с. 10-11)

Поздравительное слово — Валентина Кочарян (с. 12-13)

Виктор Маринян — Повесть «Андрей Савицкий» (с. 14-15)
и др. (с. 16-17)

16+

НЁМАН

2/2019

ФЕВРАЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Алесь КОЖЕДУБ. Мерцание золота. <i>Роман</i>	3
Владимир МОЗГО. Душе и радостно, и больно. <i>Стихи</i> .	
Перевод с белорусского А. Аврутина	82
Адам ГЛОБУС. Два рассказа. Перевод с белорусского Н. Казаполянской	87
Юрий МАТЮШКО. Когда светлеет небо. <i>Стихи</i>	94
<u>«Всемирная литература» в «Нёмане»</u>	
Джон Диксон КАРР. Игра в «жмурки». <i>Рассказ</i> .	
Перевод с английского В. Чудова	99
Всемогущее время излечит... Антонио МАЧАДО, Федерико Гарсиа ЛОРКА, Густаво Адольфо БЕККЕР, Мигель де УНАМУНО, Пабло НЕРУДА. <i>Из испаноязычной поэзии</i> . Перевод с испанского В. Крель	111
Ирина ШЕВЛЯКОВА-БОРЗЕНКО. Литература современной Украины как культурное явление и художественный феномен	119
<u>Время. Жизнь. Литература</u>	
Любовь ТУРБИНА. Творческий путь Михася Стрельцова — экзистенциальный аспект	145
Витовт ЧАРОПКА. Его Величество Поэт. Перевод с белорусского К. Шидловского	154
<u>Культурный мир</u>	
Дарья ЛЁСОВА. Звездочка моя...	169
<u>Литературное обозрение</u>	
<u>Искусство суждения</u>	
Елена ЧИЖЕВСКАЯ. «Рублевский» жанр нашей литературы	174
<u>Напоследок</u>	
<u>Имена</u>	
Михаил СТРЕЛЕЦ. Портрет ученого и педагога	187
<u>Из почты журнала</u>	
Вахит ХЫЗЫРОВ. Белорусская слеза	189
Авторы номера	192

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия:

*Вадим Гизин, Наталья Голубева, Алесь Карлюкевич,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Владимир Макаров, Владимир Мозго (зам. главного редактора),
Роман Мотульский, Геннадий Пашков, Михаил Поздняков,
Елена Попова, Олег Пушкин (редактор отдела прозы),
Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 15.02.2019. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,01. Тираж 1108. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Джон Диксон КАРР

Игра в «жмурки»

Рассказ

Хотя одинокая снежинка, предвестница снегопада, уже пролетела мимо окон дома, его большие входные двери оставались открытыми. От порывистого ветра они покачивались и скрипели. Внутри дома Родни и Мюриел Хантер увидели старинный узкий холл, выстеленный блеклым красноватым кафелем, и лестницу времен короля Якова, ведущую в заднюю часть дома.

Именно такой деревенский дом семнадцатого столетия, полы которого от времени горбились, а балки чистились из года в год, и ожидали они увидеть в этой уединенной части Уилда, графства Кент. Даже наличие здесь электричества было удивительно. Родни подумал, что он редко видел так много света в одном доме. Мюриел также была этим сильно удивлена.

«Клерлонс» оправдывал свое название. Он стоял посреди склона, на плоской лужайке, покрытой жесткой от мороза травой. Ни дерева, ни кустарника не было в радиусе двадцати ярдов от него. Яркое освещение явно не вязалось с негостеприимным и унылым видом дома. Будто собственника заставили держать свет зажженным.

— Но почему входные двери открыты? — подала голос Мюриел.

Дом предстал перед ними очерченный лозами глицинии, выющимися по стенам. Из каждой трещины таинственных черных фронтонов прорывались лучики света. По сторонам входных дверей имелись небольшие стеклянные окна с задернутыми занавесками. Через фронтальные окна в левой от них стороне дома они могли видеть низкую комнату со столом, накрытым для холодного ужина. В правой от них части виднелась затемненная библиотека с перемежающимися отсветами яркого огня от камина.

Вид огня воодушевил Родни и в то же время заставил его почувствовать себя виноватым. Они сильно опоздали. Родни обещал Джеку Баннистеру прибыть с женой в «Клерлонс» в пять часов, без опоздания, чтобы открыть рождественскую вечеринку.

В дороге двигатель их автомобиля кашлянул и заглох. Неисправность двигателя после Лондона была лишь первой причиной. Далее — расслабленность в деревенском пабе посреди дороги, питье горячего эля и слушание по радио рождественского песнопения. Какое-то, в диккенсоновском стиле, веселье незаметно охватило их. Это была вторая причина. Но оба, Родни и Мюриел, молоды, они очень любили друг друга, а это главное. Сейчас влюбленные пребывали еще в сиянии Рождества, которое, пока они стояли перед скрипучими дверями «Клерлонс», странным образом начинало остывать.

Впрочем, не было никаких причин для беспокойства. Родни вытащил из багажника машины багаж, включающий коробку с подарками для детей Джека и Молли. Эти его действия, должно быть, прозвучали очень громко, а на гравии —

естественно. Молодой человек сунул голову в дверной проем и свистнул. Затем начал стучать дверным молотком. Звук, казалось, дошел до каждого уголка дома и затем вернулся назад, как ищущая дичь собака.

— Вот что я тебе скажу, — проронил обескураженный Родни. — В доме никого нет.

Мюриел поднялась на три ступеньки и встала рядом с ним. Плотнее запахла свою шубку. Лицо ее покраснелось от холода.

— Но это же невозможно, — возразила девушка. — Даже если они вышли, то слуги!.. Молли говорила мне, что держит повара и двух служанок. Ты уверен, что мы правильно приехали?

— Да. Название на воротах. И на милю вокруг нет никакого другого дома.

Не сговариваясь, одновременно они вытянули шеи влево, чтобы заглянуть в окна столовой. Холодная птица на буфете, большая ваза с каштанами. Теперь они даже могли видеть другой камин, перед которым стояло кресло с брошенным вязанием. Родни снова стукнул дверным молотком, энергичнее, но звук не произвел никакого эффекта. Стоя в центре света, гости, тем не менее, чувствовали себя очень одинокими. Вместе с порывистым восточным ветром, дующим над Уилдом, двери качнулись и скрипнули.

— Полагаю, нам лучше войти, — предложил Родни и добавил уже без рождественской бравады: — Что за дьявольский трюк, черт возьми! Как ты думаешь, что здесь случилось? Могу поклясться, что этот камин разожгли не более пятнадцати минут назад.

Он ступил в холл и поставил на пол сумки. Когда повернулся, чтобы закрыть дверь, Мюриел взяла его за руку.

— Послушай, Рони. Ты думаешь, лучше будет, если ее закрыть?

— Почему нет?

— Я... я не знаю.

— Здесь довольно холодно, — заметил он, неохотно признавая, что такая же мысль приходила и ему в голову.

Родни закрыл обе створки двери и возвратил на место засов. И в тот же момент из двери библиотеки, что направо, вышла девушка.

У нее было такое приятное лицо, что оба приезжих почувствовали облегчение. Пустоты дома больше не существовало. Девушка была хорошенькая, не более двадцати одного-двадцати двух лет, и имела чопорный вид, который у Родни Хантера смутно вызывал ассоциацию с гувернанткой или секретарем. Хотя Джек Баннистер никогда не упоминал о такой особе. Она была полной, но с удивительно узкой талией. Одета во все коричневое. Каштановые волосы аккуратно разделены пробором. Карие продолговатые глаза могли намекать на скрытную или любопытную улыбку, если бы не смотрели так спокойно и заинтересованно. В одной руке девушка держала то, что выглядело как маленький белый мешочек из льняного или из хлопкового материала. Говорила она с достоинством, которое не вязалось с ее годами.

— Я сильно извиняюсь, — проговорила девушка. — Мне показалось, что услышала кого-то. Но была так занята, что не сразу поняла. Вы простите меня?

Она улыбнулась. По личному мнению Хантера, звук дверного молотка был таким громким, что мог разбудить и мертвого. В ответ он только пробормотал общепринятые фразы. А девушка, будто чувствуя некоторую неуместность белого мешочка в руке, подняла его.

— Для игры в «жмурки», — объяснила она. — Обычно в ней обманывают не только детей. Если используется обычный мужской платок, завязанный вокруг глаз, всегда получается, что угол прилегает неплотно.

Но если вы возьмете мешочек, натянете на голову человека и закрепите его вокруг шеи...

Внезапно в голове Родни Хантера возник ужасный образ.

— ...тогда будет намного лучше, не правда ли? — Ее взгляд, казалось, обратился внутрь и стал отсутствующим. — Но я не должна держать вас здесь, болтая. Вы?..

— Мое имя Хантер. Это моя жена. Боюсь, мы прибыли с опозданием, но я так понял, что мистер Баннистер ожидает...

— Он не говорил вам? — задала вопрос девушка в коричневом.

— Говорил мне что?

— Все жильцы, включая слуг, всегда выезжают из дома на этот особый период. Такова традиция. Полагаю, что существует она уже в течение более чем шестидесяти лет. Существует даже особый вид церковной службы.

Воображение Родни Хантера изобретало разные виды фантастических объяснений, первым из которых было, что эта скромная леди убила членов семейства и избавилась от их тел. Откуда такая мысль появилась в его голове, он сказать не мог. Разве только из-за его профессии — автора детективных произведений. Но Родни почувствовал бы облегчение, услышав обыкновенное объяснение.

— В действительности это повод, — снова заговорила девушка. — Приходский священник, этот милый человек, приглашал их все эти годы, чтобы уберечь от неприятности. То, что случилось здесь, не связывалось с убийством, так как времена были другие. И я полагаю, большинство людей уже забыли, почему жители этого дома предпочитают в канун Рождества стоять на церковной службе в течение семи-восьми часов. Я сомневаюсь, известна ли даже мистеру Баннистеру действительная причина? Хотя, наверное, известна. Но то, что случилось здесь, не может быть приятным. И нельзя, чтобы дети это знали, не так ли?

И тут вмешалась Мюриел, с такой внезапной прямоотой, которой, по мнению ее мужа, она и сама боялась:

— Кто вы? — спросила она. — И о чем вы все-таки говорите?

— Я совершенно в своем уме, — заверила их хозяйка с улыбкой, которую можно было бы считать полувеселой, полужеманной. — Осмелюсь сказать, что все это сбилось вас с толку, бедненьких. Но я забыла о своих обязанностях. Пожалуйста, входите и устраивайтесь перед камином. И позвольте мне предложить вам что-нибудь выпить.

Она повела их в библиотеку, идя впереди походкой вприпрыжку и глядя через плечо своими миндалевидными глазами. Библиотека была длинной низкой комнатой с балками. На окнах, выходящих на дорогу, занавески раздвинуты, а с другой стороны, где находился камин, выложенный блеклым красным кирпичом, выступающие окна были плотно закрыты шторами. Когда хозяйка устроила их у камина, Хантер мог поклясться, что одна из драпировок шевельнулась.

— Вам не нужно беспокоиться об этом, — заметила она, проведя взглядом в сторону выступа. — Даже если вы туда заглянете, ничего там не обнаружите. Полагаю, какой-то джентльмен попытался сделать это однажды, много лет тому назад. Он заключил пари, остановившись в доме. Но когда отдернул драпировку, то не увидел ничего в этом выступе. Совершенно ничего. Лишь почувствовал, как шевелятся его волосы. Вот почему в наше время здесь так много света.

Мюриел села на софу и зажгла сигарету.

«К чопорному неодобрению хозяйки», — подумал Родни.

— Подайте нам, пожалуйста, что-нибудь горячее, — решительно заявила Мюриел. — А потом, если не возражаете, мы пройдемся, чтобы встретиться Баннистеров, идущих из церкви.

— О, пожалуйста, не делайте этого, — воскликнула девушка. Она стояла у камина со сложенными руками. Но вдруг сорвалась, подбежала к софе и села рядом с Мюриел. Стремительность ее движения, как и касание рукой запястья Мюриел, заставили последнюю отодвинуться.

Теперь уже Хантер был полностью уверен, что их хозяйка потеряла рассудок. Хотя почему она так притягивает его, Родни понять не мог. В стремлении удержать их здесь девушка пришла к новой идее. На столе позади софы в книгодержателе стоял ряд современных романов. Очевидно, размещенные в соответствии со вкусом Молли. Там были и две детективные истории Хантера. Девушка указала пальцем на эти книги.

— Я могу попросить вас подписать их?

Хантер согласился.

— А теперь, — произнесла она с внезапным хладнокровием, — вам, возможно, будет интересно узнать об убийстве? Это было самое запутанное преступление, знаете. Полиция ничего не смогла сделать. И никто никогда не смог разгадать его. — Приковывающий взгляд остановился на Хантере. — Это случилось там, в холле. Бедная женщина была убита, хотя не было никого, кто мог это сделать. Но она была убита.

Хантер начал приподниматься с кресла, но потом снова сел.

— Продолжайте, — попросил он.

— Простите меня, если буду не совсем уверена относительно дат, — начала девушка. — Я думаю, это было в начале 1870-х, и уверена, что в начале февраля, потому что лежал снег. Это была плохая зима. Падеж домашнего скота у фермеров. Я знаю, потому что мои родственники обучались в этом округе в те годы. Потому и мне известно. Дом был больше, чем сейчас. Но не имелось электричества (только керосиновые лампы). И людям приходилось качать воду, когда она была им нужна. Они читали газеты, а потом обсуждали прочитанное.

Тогда люди даже выглядели по-другому. Я не совсем понимаю, почему нынче бороды считаются странностью. Может, из-за мнения, что бородатые мужчины лишены эмоций. Но тогда даже молодые люди носили бородки и выглядели достаточно красивыми. В то время в этом доме жила молодая пара. Поженились они недавно, только перед летом. Их звали Эдвард и Джейн Уэйкросс, и всюду они считались хорошей парой.

Эдвард не носил бороду, но у него были кустистые бакенбарды, которые он завивал. Молодожен был не очень симпатичным мужчиной, обладая, в некоторой степени, сухой и неприятной внешностью. Но он считался религиозным, хорошим человеком, и как говорили, прекрасным бизнесменом. Поставщик сельскохозяйственного инвентаря в Хоккерсте. Эдвард решил, что Джейн Андерс (девичье имя) будет ему хорошей женой, и смею заверить, такой она и была. У девушки имелось несколько почитателей. Хотя мистер Уэйкросс был лучшей парой. Я знаю, людей немного удивило, что она согласилась, так как считалось, что ее любит другой человек, более эффектный, у которого впоследствии появилось много девушек. Это Джереми Уилкс, который происходил из хорошей семьи, но считался порочным. Он был не моложе мистера Уэйкросса, но имел большую черную бороду. Носил белый жилет с золотыми цепочками и ездил в кабриолете. Конечно, ходили разные слухи, но это потому, что Джейн считалась хорошенькой.

Хозяйка дома говорила строгим голосом. Она сидела на софе, откинувшись назад. В руке по-прежнему сжимала маленький белый мешочек. И тут она сделала то, что бросило ее слушателей в дрожь. Вы, возможно, видели такое много раз. Девушка коснулась щеки пальцами. Тронула кожу под глазом. И вдруг оттянула уголок нижнего века. У любого человека в таком случае должна показаться красная плоть внутренней части века в уголке глаза. Но у нее она была не красная, а нездорового бледного цвета.

— В ходе своих деловых отношений, — продолжила она, — мистер Уэйкросс часто ездил в Лондон и обычно вынужден был оставаться там на ночь. Но Джейн Уэйкросс не боялась ночевать в доме одна. У нее были хорошая служанка, пожилая преданная женщина, и хорошая собака. Даже мистер Уэйкросс удивлялся ее смелости.

Девушка улыбнулась.

— В ту ночь февраля, о которой собираюсь вам рассказать, мистер Уэйкросс отсутствовал. К несчастью, отсутствовала также и служанка. Ее вызвали как акушерку, чтобы следить за кузиной. И Джейн Уэйкросс разрешила женщине уйти. Это было известно в деревне, как известны и все иные дела. Некоторое беспокойство чувствовалось в этом изолированном доме, как вы понимаете. Но Джейн не боялась.

Стояла холодная ночь с обильным снегопадом, который прекратился в девять часов вечера. Вы должны знать, без сомнения, что бедная Джейн Уэйкросс была еще жива после прекращения снегопада. Должно быть, время приближалось к половине десятого, когда мистер Муди, очень добрый и рассудительный человек, который жил в Хокхерсте, ехал домой мимо этого места. Как вы уже знаете, дом стоит посреди голой вытянутой лужайки, и он мог ясно видеть его с дороги. Так вот, мистер Муди заметил бедную Джейн в окне одной из верхних спален. С подсвечником в руке, она закрывала ставни. Но он был единственным свидетелем, который видел ее живой.

В тот же самый вечер мистер Уилкс (красивый джентльмен, о котором, я уже рассказывала) находился в деревенской таверне «Пять ясеней» вместе с местным доктором Саттоном и джентльменом по имени Поули, который играл на скачках. В половине двенадцатого они отправились домой в кабриолете мистера Уилкса. Боюсь, они выпили, но все же были достаточно трезвые. Хозяин таверны вспомнил время, потому что стоял в дверях, следя за кабриолетом с прекрасными желтыми колесами, который ехал так быстро, будто не было снега. И на мистере Уилксе была модная круглая шляпа с загнутыми краями.

Светила яркая луна. «И никакой опасности, — говорил впоследствии доктор Саттон. — Тени от деревьев и изгородей были такие четкие, будто силуэты, что вырезаются на бумаге. Такое привлекает внимание». Но перед домом мистера Уилкса они резко остановились. В окне одной из нижних комнат горел свет. Вот в этой самой комнате. Ездоки вскочили от удивления, глядя из-под складного верха кабриолета.

«Не нравится мне это, — сказал мистер Уилкс. — Вы знаете, джентльмены, что мистер Уэйкросс все еще в Лондоне. А леди, о которой идет речь, ложится спать рано. Я собираюсь подняться туда, чтобы узнать, не случилось ли чего».

С этими словами он выпрыгнул из кабриолета. «А если это грабитель, — прибавил он, — тогда, джентльмены...» Я не буду повторять то слово, которое он сказал после «джентльмены». Это не красит его. Уилкс прошел через ворота, поднялся к дому. Оставшиеся в кабриолете могли следить за каждым его шагом, одновременно поглядывая на окна этой комнаты. Некоторое время спустя мистер Уилкс вернулся. Он выглядел успокоенным (это они видели в свете фар), но стирал пот со лба.

«Все хорошо, — сказал он. — Уэйкросс уже дома. Но... джентльмены, может, он выращивает прореживатель в эти дни или нечто подобное, раз лампа горит».

Затем Уилкс рассказал, что видел. Если вы заглянете сюда во фронтальные окна, то увидите главный холл. Он сказал, что видел в холле миссис Уэйкросс, стоящую у лестницы. На ней был синий халат поверх

длинной ночной рубашки. Перед ней, спиной к мистеру Уилксу, стоял высокий худой мужчина, похожий на мистера Уэйкросса, в длинном пальто и высокой, как у него, шляпе. Женщина держала в руке то ли подсвечник, то ли лампу. И Уилкс помнил, что высокая шляпа качалась вперед-назад, в то время как человек что-то говорил, протягивая к ней руки. Из-за этого, сказал Уилкс, он не мог видеть лица женщины.

Конечно, это был не мистер Уэйкросс, но откуда им было знать?

Около семи часов утра вернулась миссис Рэнделл, пожилая служанка (хорошенький мальчик родился в ту ночь). Она прошла в дом через лужайку, покрытую белым снегом, и обнаружила, что все двери закрыты. Она стучала, но ответа не было. Будучи женщиной решительной, она в конце концов выбила окно и проникла в дом. Но когда увидела то, что было в переднем холле, выбежала с криком о помощи.

Бедной миссис Уэйкросс уже не нужна была помощь. Знаю, что мне не следовало бы говорить о таких вещах, но я должна. Она лежала на полу в холле. От пояса вниз ее тело было обнажено и обуглено, потому что огонь сжег большую часть ее ночной рубашки и халата. Кафель в холле пропитался кровью и керосином. На некотором расстоянии от нее располагалось голубоватое пятно от керосина, вытекшего из разбитой лампы. Ближе к ней был китайский подсвечник со свечой. Огонь обуглил также часть панели в холле и часть лестницы. К счастью, пол был кафельным и в лампе оставалось немного керосина, иначе дом был бы охвачен огнем.

Но женщина умерла не от огня. В ее горле виднелась глубокая рана, сделанная очень острым лезвием. Но еще некоторое время она была жива, так как ползла на руках, пока горела. Это была мучительная смерть, ужасная смерть для такой мягкой женщины, как она.

Наступила пауза. Выражение лица рассказчицы в коричневой одежде слегка изменилось. Изменилось также выражение ее глаз. Она сидела возле Мюриел и придвинулась поближе.

— Конечно, приехала полиция, — продолжила рассказчица. — Боюсь, я не понимаю всего, но они обнаружили, что дом не был ограблен. Они также заметили странную вещь, о которой я упоминала: рядом с женщиной были и лампа, и свеча в канделябре. Других ламп и свечей внизу не имелось. В задней кухне есть лампы, но они пустые. Их обычно заполняют утром. Полиция решила, что хозяйка не могла идти вниз, держа в руках и лампу, и подсвечник.

Она, должно быть, несла лампу, которая разбилась. Когда убийца схватил ее, женщина выронила лампу, и та разбилась. Керосин вытек, но не загорелся. И чтобы закончить дело, мужчина в высокой шляпе, перерезав хозяйке горло, поднялся наверх. Там он взял свечу, зажег ее и, спустившись вниз, поджег керосин. Я глупа в таких вещах, но даже я догадалась бы, что это должен быть тот, кто знаком с этим домом. К тому же, хозяйка спустилась вниз и выпустила человека через переднюю дверь. А это не мог быть грабитель.

Можете быть уверены, что все слухи рассматривались полицией с самого начала. Даже когда полиция выражала сомнение. Потому что понимали: миссис Уэйкросс открыла дверь человеку, который не был ее мужем. Подтверждение этому они нашли в беспорядке, созданном огнем и кровью.

На некотором расстоянии от тела Джейн находилась медицинская бутылка, которую используют аптекари. Кажется, она была разбита на две части. И на одной из них, нетронутой, полицейские обнаружили приклеенные фрагменты письма, которые сгорели не полностью. Это был почерк

мужчины, но не ее мужа. Фрагменты были достаточно различимы, чтобы понять. Они полнились выражением любви. И там было предложение о свидании, которое должно состояться в ту же ночь.

Когда девушка сделала паузу, Родни Хантер задал вопрос:

— Они знали, чей это почерк?

— Джереми Уилкса, — просто ответила собеседница. — Хотя полиция так ничего и не доказала. Только слегка подозревала его. И обстоятельства не подтверждали это. Действительно, нож, запачканный кровью, как ни странно, был найден у мистера Уилкса. Но полицию это ни к чему не привело. И все из-за того, понимаете ли, что ни мистер Уилкс, ни кто-нибудь еще в мире не мог совершить это убийство.

— Не понимаю, — довольно резко произнес Хантер.

— Простите, если я была так глупа, что вы не все поняли в моем рассказе, — произнесла хозяйка извиняющимся тоном. Она, казалось, прислушивалась к гудению камина под холодным потолком. И слушала его с внимательным и безмятежным видом. — Но даже деревенские сплетницы могли бы вам разъяснить. Когда миссис Рэнделл пришла сюда, в дом, тем утром, передняя и задняя двери были закрыты и надежно заперты изнутри на засовы. Все окна закрыты ставнями. Если вы посмотрите на крепление во всем этом доме, то поймете, что имеется в виду.

Но, честно говоря, было еще последнее, самое важное обстоятельство! Я говорю о снеге. Снегопад прекратился в девять вечера, за несколько часов до убийства миссис Уэйкросс. Когда полиция пришла, имелись лишь два ряда следов от ног в нетронutom полуакре снега вокруг дома. Одни принадлежали мистеру Уилксу, который той ночью подходил к дому и смотрел через окно. Другие — миссис Рэнделл. Полиция смогла исследовать и объяснить оба ряда следов. Но больше никаких других следов не имелось. И никто не прятался в доме. Конечно, было бессмысленно подозревать мистера Уилкса. И не только потому, что он рассказал совершенно откровенную историю о человеке в высокой шляпе. Но оба, доктор Саттон и мистер Поули, которые возвращались с ним из «Пяти ясеней», могли поклясться, что он не мог совершить преступление. Вы понимаете, он подходил только к окну этой комнаты. Свидетели могли проследить каждый шаг, сделанный им в лунном свете. И они подтвердили это. Впоследствии он приехал домой с доктором Саттоном и лег спать. Или, я бы сказала, продолжили свою ужасную пьянку до рассвета. Это правда, что у него обнаружили нож со следами крови на нем. Но он объяснил, что использовал его при потрошении кролика. И то же самое с бедной миссис Рэнделл, которая всю ночь была занята своими обязанностями акушерки. Хотя, конечно, было бы еще более абсурдно подозревать служанку. Но больше не было никаких следов, идущих к дому или от него на всем снежном покрове. И все входы-выходы дома были плотно заперты изнутри.

Теперь уже вмешалась Мюриел. И хотя она старалась говорить четко, голос ее дрожал.

— Все, что вы рассказываете нам, это правда? — спросила она.

— Я вас еще немного помучаю, дорогая, — призналась рассказчица. — Но это истинная правда. Все так и случилось. Возможно, я докажу вам через минутку.

— Полагаю, это сделал муж? — настаивала Мюриел поскучневшим тоном.

— Бедный мистер Уэйкросс! — воскликнула девушка с нежностью. — Он, как всегда, провел ночь в отеле, где не продают спиртное, около станции Чаринг-Кросс. И конечно, никуда оттуда не уходил. Когда же он узнал о двуличности его жены...

И снова Хантер подумал, что рассказчица собирается дотронуться до уголка нижнего века.

— ...то чуть не сошел с ума, бедняжка. Я думаю, он бросил свои сельскохозяйственные поставки и начал проповедовать. Но не уверена. Знаю, что он вскоре уехал из округа. Но перед тем как уехать, настоял на том, чтобы сожгли матрас с его кровати. Ужасный был скандал.

— Но в таком случае, — вступил в разговор Хантер, — кто убил ее? И если не было никаких следов и все двери закрыты, то как убийца сможет войти и выйти? И наконец, если все это случилось в феврале, что заставляет людей выходить из дома в канун Рождества?

— О, это настоящая история. Вот ее я хотела вам рассказать.

Рассказчица стала более мягкой.

— Должно быть, очень интересно следить, как изменяются люди по прошествии лет, когда они становятся старше. Если, конечно, ничего не случается. Некоторое время спустя полиция оставила это дело. Ради приличия разрешено было его не закрывать. В то время разговоры шли о событиях более важных: строительство насоса на торговой площади, новости о принце Уэльском, который собирался в Индию в семьдесят пятом. А вскоре в «Клерлонс» переехала жить новая семья. Начали поднимать своих детей. Деревья и летние дожди остались прежними, знаете. Должно быть, семь или восемь лет ничего не случилось. Потому что Джейн Уэйкросс была очень терпелива.

За это время несколько человек умерли. Миссис Рэнделл — от приступа ангины. Не стало и доктора Саттона. Но это было большое милосердие, потому что он чувствовал свой конец, между прочим, когда собирался делать ампутацию после выпитого очень большого количества спиртного. Мистер Поули благоденствовал. Но больше всего преуспел мистер Уилкс. Ближе к среднему возрасту он превратился в мужчину с прекрасной фигурой. Так мне рассказывали. После женитьбы оставил все свои разболтанные привычки. Да, он женился на наследнице Тинсли, мисс Линшоу, за которой ухаживал раньше. И я слышала, что бедная Джейн Уэйкросс, даже после замужества за мистером Уэйнроссом, кусала по ночам подушку, потому что ужасно ревновала его к мисс Линшоу.

Мистер Уилкс всегда был высоким, а теперь стал прекрасно сложенным полным мужчиной. Постоянно носил сюртуки. Хотя он потерял много волос, но борода его оставалась густой и кудрявой. У него были блестящие черные глаза, красные щеки и грубоватый голос. Все дети бежали к нему. Говорят, что ранее он разбил очень много женских сердец. Он непременно участвовал в любом благотворительном предприятии и всегда что-нибудь делал: отправлял материю на платье или аплодировал скрипачу. Даже не знаю, что хозяйки бы делали без него.

Тогда, в канун Рождества (я не уверена в датах, помните?), Фентоны устраивали рождественскую вечеринку. Фентоны были очень хорошей семьей, которая впоследствии поселилась в этом доме, знаете. Танцев не было, их заменяли старинными играми. Естественно, мистер Уилкс был первым из приглашенных и первым, кто принимал приглашение. Все, что было, ушло, сгладилось со временем, как разглаживаются складки на прошлогоднем покрывале. Что прошло, то прошло, как говорят. Они украшали дом остролистом и омелой. Гости начали приезжать рано, еще в два часа дня.

Все это я слышала от тети мистера Фентона (одной из Уорикширских Эбботов), которая действительно находилась там в то время. Вопреки такому праздничному настроению, приготовления в тот день шли вовсе не так хорошо. Хотя и шли как обычно. Миссис Эббот жаловалась, что в

доме присутствует землистый запах. Это был пасмурный и промозглый день. И тяга в каминах казалась не такой, как всегда. Более того, миссис Фентон порезала палец, когда разделывала холодную птицу. Из-за того, сказала она, что один из детей прятался здесь, за оконной шторой, и оттуда писал. Она была очень рассержена. Но мистер Фентон, который ходил по дому в шлепанцах перед приездом гостей, назвал ее «мать» и сказал, что это Рождество.

И конечно же, об этом забыли, когда началось веселье с играми. Такого визга вы никогда не слышали! Я вам говорю. Первым из всех в «Прыжках за яблоками» и «Орехах в мае» был мистер Уилкс. Он стоял, по-отцовски серьезный, посреди всех, со своей уродливой женой рядом и поглаживал бороду. Под омелой он приветствовал каждую леди поцелуем в щечку. Впрочем, было несколько ответных приветствий и ему. И хотя он оставался несколько дольше, чем необходимо, за оконными шторами с молодой мисс Твайджелу, его жена только улыбалась. Случился еще один неприятный инцидент. Ближе к сумеркам начал подниматься сильный ветер, и каминные загудели сильнее, чем обычно. Уже ближе к ночи мистер Фентон заявил, что пора принести «Чашу львиного зева» и посмотреть на его пламя. Вы знаете эту игру? Это большая чаша легкого спиртного, в которую вы должны быстро опустить руку и вытащить со дна изюм, не обжигая пальцев. В полумраке мистер Фентон держал поднос с чашей, которая сверкала голубоватым пламенем. Как на рождественском пудинге. Мисс Эббот говорила, что в какой-то момент он вздрогнул и обернулся. Она сказала, что в ту секунду ей показалось, будто из-за его плеча выглянуло лицо. И это было неприятное лицо.

Позже, вечером, когда детей уложили спать и оберточная бумага валялась по всему дому, взрослые начали свои игры всерьез. Кто-то предложил «жмурки». Главным образом использовались холл и эта комната, так как здесь больше пространства, чем в столовой. Различным членам вечеринки завязывали глаза мужскими носовыми платками, но было ужасно много мошенничества. Это обстоятельство очень рассердило мистера Фентона, потому что леди почти всегда хватали мистера Уилкса, когда получалось. Мистер Уилкс смеялся и сильно потел. Его шейный платок с серебряной булавкой почти развязался.

Чтобы никто не смог подсматривать, мистер Фентон принес небольшой белый льняной мешочек. Такой вот. Это была наволочка с детской кроватки. И сказал, что если надеть это на голову, то уже никто не сможет подсматривать.

Хочу объяснить, что у них было некоторое беспокойство по поводу ламп в комнате. Мистер Фентон сказал: «Черт возьми, мать, что-то не так с лампой? Подкрути фитиль!» Это была очень хорошая лампа. От «Спенса и Мистедов». Она не должна гореть так тускло. В неразберихе, пока миссис Фентон пыталась сделать свет получше, мистер Фентон, глядя на нее через плечо, довольно рассеянно поспешил надеть мешочек на голову последней схваченной персоне. Впоследствии он сказал, что не заметил, кто это был. И никто не заметил. Свет был тусклый, а людей — большое количество. Кажется, это была девушка в широкой, голубоватого цвета одежде, которая стояла ближе к двери.

Возможно, вам известно, как двигаются люди с завязанными глазами во время игры? Вначале они обычно стоят неподвижно, чтобы почувствовать и понять, в каком направлении пойти. Иногда они делают внезапный прыжок или начинают скользить вперед. Все заметили, что у персоны с мешочком на голове имелось явно выраженное намерение. Она шла медленно и, казалось, немного приседала.

Девушка начала двигаться к мистеру Уилксу очень короткими, но резкими толчками. Белый мешочек подпрыгивал на ее лице. В это время мистер Уилкс сидел на краю стола со стаканом сидра в руке. Его бородатое лицо порозовело. Я хочу, чтобы вы представили эту комнату такой, какой она была в то время. Тусклый свет, кисточки на мебели, обычные в те годы. Леди с высокими прическами. И рождественская суматоха. Персона с мешочком на голове, достигнув конца стола, начала медленно продвигаться к мистеру Уилксу. А затем она прыгнула.

Мистер Уилкс вскочил и отпрыгнул (да, отпрыгнул), смеясь, с ее пути. Девушка в голубом спокойно выждала, потом продолжила движение к нему, в том же самом медленном темпе. И снова настигла его в том месте, где стояли растения в горшках. Все это время она не промолвила ни слова, понимаете, хотя ей аплодировали, кричали и поддерживали советами. Она держала голову вниз. Мисс Эббот говорит, что начала ощущать слабый неприятный запах, то ли горелой ткани, то ли еще чего-то, от которого ей стало нехорошо. Тем временем персона с мешочком на голове шла через комнату точно к нему, будто видела свою жертву. Мистер Уилкс больше не смеялся.

Запертый в углу, у книжного шкафа, он вдруг громко выкрикнул: «Мне надоела эта глупая, дурацкая игра. Прекратите, слышите!» Никто никогда не слышал от него таких слов. К тому же, сказанных громко и неистово. Поэтому все рассмеялись, посчитав, что в этом виноват кентский сидр. «Прекратите!» — снова вскричал мистер Уилкс и начал отбиваться от персоны с мешочком руками. Все это время, говорит мисс Эббот, она следила за лицом мужчины и видела, как оно постепенно меняется. Уилкс снова увернулся, очень забавно и проворно для такого большого мужчины. На лице его появилась испарина. Он снова пятился назад через комнату, девушка в голубом следовала за ним. И тут мистер Уилкс сделал то, что всех несколько шокировало.

Он завопил: «Ради бога, Фентон, убери ее от меня!»

И тут персона с мешочком на голове прыгнула в последний раз.

Они находились недалеко от этого выступа с окнами, который был задернут, как и сейчас. Мисс Твайджелу, которая стояла поближе, говорит, что мистер Уилкс не мог видеть лица нападавшей из-за мешочка на ее голове. Только одну вещь она заметила. В нижней части мешка, где должно быть лицо, появилось некое обесцвеченное пятно, которого раньше не имелось. Будто что-то просачивается сквозь ткань. Мистер Уилкс отступил за шторы, а за ним бросилась преследовательница. Он снова завопил. За шторами послышался шум ударов, затем падение тел, и наступила тишина.

«Ну и ну, — сказал мистер Фентон. — Как же крепок наш кентский сидр». Он не знал, что и думать. Попытался рассмеяться, но смех вышел беззвучный. Тогда хозяин дома прошел к шторам, грубовато призывая обоих выйти оттуда и не валять дурака. Но заглянув за шторы, он резко обернулся и попросил приходского священника вывести из комнаты женщин. Так и было сделано. Но мисс Эббот часто говорила, что ей удалось бросить короткий взгляд вглубь. Хотя окна были закрыты изнутри, мистер Уилкс находился там один. Он лежал у окна. Она видела бороду, торчащую вверх, и кровь. Он был мертв, конечно. Я искренне считаю, что мистер Уилкс заслужил смерть, потому что именно он убил Джейн Эйкросс!

В течение нескольких секунд слушатели не двигались.

Рассказчица также успешно, как по волшебству, создала обстановку семидесятых годов прошлого столетия в этой комнате, с ее спертостью, которая, казалось, проникла оттуда в нынешнее время.

— Но послушайте! — запротестовал Хантер, когда ему удалось подавить желание поскорее выскочить из комнаты. — Вы говорите, что он убил ее?! После всего! И еще вы рассказывали нам, что у него было абсолютное алиби. Вы сказали, что Уилкс подходил только к окнам дома...

— И тем не менее, он это сделал, дорогой мой, — подтвердила собеседница. — В то время, он ухаживал за наследницей Линшоу, — возобновила свой рассказ девушка. — А мисс Линшоу была очень порядочной молодой леди, которая пришла бы в ужас, услышав о Джейн Уэйкросс. Естественно, брак бы не состоялся. Но бедная Джейн Уэйкросс намеревалась сделать так, чтобы она услышала. Джейн очень любила мистера Уилкса и собиралась рассказать обо всем публично. Мистер Уилкс пытался убедить ее не делать этого.

— Но...

— О, вы так и не поняли, что случилось? — воскликнула собеседница раздраженно. — Все до ужасного просто. Я не умна в таких вещах, но должна была понять сразу, даже если бы не знала ранее. Я рассказала вам все так, что вы и сами обязаны догадаться.

Когда мистер Уилкс, доктор Саттон и мистер Поули проезжали в ту ночь мимо этого дома, они увидели яркий свет, горевший в окне этой комнаты. Я говорила вам это. Но ни полиция, да и никто другой, не поинтересовались, какова причина этого освещения. Джейн Уэйкросс не входила в эту комнату, как вы знаете. Она вышла в холл, держа и лампу, и свечу. Но лампа, с ее слабым голубоватым пламенем, находясь в холле, не могла быть причиной такого яркого света, чтобы создать буквально иллюминацию в этой комнате. Не могла этого сделать и маленькая свеча. Это абсурдно. И я рассказывала вам, что нет в доме других ламп, за исключением нескольких пустых, которые находились в задней кухне и ожидали, когда их наполнят. Была только одна вещь, которую могли увидеть собутыльники. Они увидели бы огромное пламя горящего керосина вокруг тела Джейн Уэйкросс.

Разве я не говорила вам, что это было ужасно просто? Бедная Джейн находилась наверху, ожидая своего любимого. Из окна она увидела кабриолет мистера Уилкса, с прекрасными желтыми колесами, ехавший в лунном свете по дороге. Она не знала, что в нем были и другие люди. Женщина думала, что он один. И пошла вниз...

Ужасно, что полиция не придала большого значения разбитой медицинской бутылке, лежащей в холле. Большой бутылке, разбитой на две части. Как хозяйка, Джейн должна была использовать ее для чего-то. Она так и сделала. Вы знали, что в лампе керосина оставалось немного, хотя пламя вокруг ее тела было большое. Когда Бедная Джейн спускалась вниз, она держала незажженную лампу в одной руке, а в другой — горящую свечу и старую медицинскую бутылку, содержащую керосин. Она намеревалась внизу заполнить лампу керосином и зажечь ее от свечи.

Боюсь, Джейн была слишком нетерпелива, поспешно сбегая по лестнице. А где-то на полпути она споткнулась из-за своего длинного халата и полетела со ступенек лицом вниз. Медицинская бутылка разбилась, и весь керосин вылился на кафель вокруг ее тела. Конечно, когда она упала, от зажженной свечи керосин воспламенился. Но это было еще не все. При падении одна половинка медицинской бутылки, длинная, острая и гладкая, как лезвие ножа, воткнулась ей в горло. Она не была полностью оглушена падением. И когда почувствовала, что горит и что кровь ее закипает, попыталась спастись. Она ползла на руках вперед, в холл, прочь от крови, керосина и огня.

Вот что действительно увидел мистер Уилкс, когда смотрел в окно.

Он не смог избавиться от своих пьяных друзей, которые прицепились к нему, чтобы продолжить пьянку. Он был вынужден везти их домой. Его

мучил вопрос: если он не сможет войти сейчас в «Клерлонс», то как дать знать об этом Джейн? И свет в окне как раз и явился для него поводом послать такое известие.

Он хорошо видел в холле Джейн, которая приподнялась на руках и умоляюще смотрела на него, в то время как голубое пламя становилось желтым. Вы могли бы подумать, что он должен был почувствовать жалость, ведь девушка очень сильно любила его. Ее рана не была в действительности глубокой. Если бы он вломился в дом в тот момент, то мог бы спасти ей жизнь. Но он предпочел, чтобы она умерла. Тогда не будет публичного скандала, исчезнет помеха в его шансах на брак с богатой мисс Линшоу. Вот почему, вернувшись к друзьям, он солгал о мужчине в высокой шляпе. Вот почему, «по божьей правде», мистер Уилкс сам убил ее. И неудивительно, что по его возвращении собутельники заметили, как он вытирает пот со лба. Теперь вы знаете, как Джейн Уэйкросс вернулась за ним, лично.

Наступило еще одно глубокое молчание.

Рассказчица встала. При этом сделала своеобразное «подпрыгивающее» движение, будто намекая на нечто смутно знакомое. Так, будто собиралась бежать. Она стояла, немного согнувшись, в чопорной коричневой одежде, странно суженной в талии, по старомодному фасону. И, проследив за игрой света на лице девушки, Родни Хантер вдруг сделал вывод, что ее привлекательность — это только оболочка.

— То же самое случилось и впоследствии, в канун Рождества, — объяснила рассказчица. — Гости снова играли в «жмурки». Вот почему люди, которые здесь живут в наше время, не желают рисковать. Это случилось в четверть восьмого.

Хантер уставился на шторы.

— Было четверть восьмого, когда мы прибыли сюда! — воскликнул он. — И сейчас должно быть...

— О да, — подтвердила девушка. Ее глаза увлажнились. — Я сказала вам, чтобы вы ничего не боялись. И вот теперь все закончилось. Но не за это я благодарю вас. Я умоляла вас остаться, и вы остались. Вы слушали меня так, как никто еще никогда не делал. А сейчас скажу вам последнее. Наконец-то, я думаю, мы оба сможем уснуть спокойно.

Складка на темных шторах, закрывающих оконный выступ, зашевелилась и сместилась. Будто затуманенная линза вошла в фокус, и теперь эти шторы не пугали. Вы могли бы здесь поставить рождественскую елку. Родни Хантер, под пристальным взглядом Мюриел, прошел к шторам и раздвинул их. Он увидел обычный оконный выступ, прикрытый ситцем. И луну за окном. Когда он повернулся, девушки в старомодной одежде уже не было. Но входные двери вновь оказались открытыми, потому что он почувствовал, как в дом задувает ветер.

Обняв рукой побледневшую Мюриел, Хантер направился с ней в холл. Они старались не обращать внимания на опаленные и капельные пятна внизу панельной обшивки, хотя сейчас уже эти шрамы от огня казались почти незаметными. Вместо этого они встали в дверном проеме и смотрели на большое пятно света, которое протянулось из дома по морозному Уилду. Это был гостеприимный свет. На вершине холма появились темные точки, которые тащились по снегу. Это возвращалась компания Джека Баннистера. Они слышали звуки голосов вдали. Один из них затянул веселую, беззаботную рождественскую песенку во славу и радость. И детский смех вошел в этот дом.

Перевод с английского Валерия ЧУДОВА.